

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.11>

Юнина Екатерина Александровна

Лишение избирательных прав как элемент маргинализационных процессов в обществе 1920-1930-х гг. в отражении судеб жителей города Тобольска и Тобольского округа Уральской области (историко-антропологический аспект)

Цель статьи - выявить специфику взаимодействия власти и социума в локальных общественно-политических практиках на примере ограничения в гражданских правах жителей г. Тобольска и округа, кампании по восстановлению ими избирательных прав. В статье анализируются тактики реабилитационной деятельности, эмоциональные реакции, формы рефлексии, проявляющиеся вследствие приобретения статуса лишенца. Научная новизна обусловлена стремлением впервые с позиций исторической антропологии и социальной психологии проследить, как дискриминационные действия власти отражались на психологическом здоровье лишенцев. В результате установлено, что лишение электоральных прав являлось причиной профессиональной деградации, маргинализации, деструктивных изменений в психологическом состоянии и социальном поведении человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/8/11.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 64-75. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.11>

Дата поступления рукописи: 12.07.2020

Цель статьи – выявить специфику взаимодействия власти и социума в локальных общественно-политических практиках на примере ограничения в гражданских правах жителей г. Тобольска и округа, кампании по восстановлению ими избирательных прав. В статье анализируются тактики реабилитационной деятельности, эмоциональные реакции, формы рефлексии, проявляющиеся вследствие приобретения статуса лишенца. **Научная новизна** обусловлена стремлением впервые с позиций исторической антропологии и социальной психологии проследить, как дискриминационные действия власти отражались на психологическом здоровье лишенцев. **В результате** установлено, что лишение электоральных прав являлось причиной профессиональной декалфикации, маргинализации, деструктивных изменений в психологическом состоянии и социальном поведении человека.

Ключевые слова и фразы: лишение избирательных прав; лишенцы-маргиналы; реабилитационная деятельность; психоэмоциональные реакции; совладающее поведение.

Юнина Екатерина Александровна

Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук
katy-yunick@yandex.ru

Лишение избирательных прав как элемент маргинализационных процессов в обществе 1920-1930-х гг. в отражении судеб жителей города Тобольска и Тобольского округа Уральской области (историко-антропологический аспект)

Изучение специфики психоэмоционального поведения людей в трудной жизненной ситуации представляется **актуальной** проблемой на фоне постоянно возрастающей стрессогенности общества, связанной с воздействием быстро меняющихся вызовов и рисков различного генезиса. Важной сущностной характеристикой психологической адаптации современного человека является процесс поиска и «примеривания» новых социально-психологических моделей существования, поэтому данная тема приобретает особое значение. Массовое лишение граждан избирательных прав в 1920-1930-х гг. стало одним из феноменов репрессивной политики Советского государства, кардинально повлиявших не только на трансформацию общественной структуры, но и приведших к переориентации психосоциальной идентичности, серьезным морально-духовным сдвигам, изменениям деструктивного качества в психической деятельности населения на личностном уровне. Исходя из сформулированной цели, необходимо решить следующие **задачи**: исследовать локальные нарративные тексты личного происхождения, содержащиеся в апелляционных делах лишенных избирательных прав в виде ходатайств; проанализировать опыт преодоления сложных жизненных эпизодов на примере биографий жителей г. Тобольска и Тобольского округа; реконструировать тактики реабилитационной деятельности при попытках доказать свою невиновность, определить типы совладающего поведения, их взаимосвязь с уровнем образованности, политической и юридической грамотности апеллянтов; выявить типичные и индивидуальные проблемы лишенцев-маргиналов, эмоциональные реакции и формы рефлексии, признаки морально-духовного кризиса.

В методологическом плане работа основывается на историко-антропологическом подходе, использовании научного инструментария персональной истории, источниковедческом **методе** и проблемно-ориентированном подходе в изучении архивных документов.

Теоретической базой послужили труды зарубежных и отечественных психологов, российских и сибирских историков, а также документальные архивные источники по данной проблеме, вновь включаемые в научный оборот. При рассмотрении социально-психологического состояния лишенцев в кампании восстановления гражданских прав мы будем опираться на научно-практические разработки социальных психологов, освещающие различные аспекты маргинальной личности и психоэмоциональные проявления субъекта, оказавшегося в трудной ситуации [1; 5; 7; 11; 16; 19].

Заслуга открытия феномена «маргинальность» и введения в научный оборот этого термина в 1920-х гг. принадлежит ученым Чикагской школы, а именно американскому социологу Р. Э. Парку, который определял маргинала как иммигранта, полукровку, одновременно живущего в двух мирах. Основным качеством маргинальной природы он считал чувство моральной дихотомии, раздвоения и конфликта, сравнивая периоды перехода с теми, которые переживает иммигрант, когда покидает родину. Но в случае маргинала период кризиса может быть относительно непрерывным, в связи с этим маргинальность имеет тенденцию превращаться в тип личности [5, с. 189]. Данные теоретические выкладки подтверждаются на примере местного материала. Ученик Р. Э. Парка Э. В. Стоунквист выделил общие черты маргинального человека, которые также прослеживаются в психологическом поведении жителей Тобольска и Тобольского округа, лишенных избирательного права.

Большой вклад в историографию проблемы маргиналов постреволюционного сибирского общества 1920-1930-х гг. внес С. А. Красильников, включив в систему социокультурного портрета лишенцев понятие «повседневная маргинальность» [10, с. 5]. Следуя научным разработкам ученого, эта категория населения

г. Тобольска и округа будет интерпретироваться как группа людей, находившихся внутри социума, но утративших объективную принадлежность к своей социальной общности в результате процесса искусственной маргинализации, характерной для обществ переходного типа [Там же].

Первенство в историографии темы и определение основных векторов ее изучения в постсоветский период принадлежит А. И. Добкину, который на широком документальном материале рассмотрел лишение избирательных прав жителей Ленинграда и Ленинградской области [6]. Примером использования источниково-ориентированного подхода при обзоре личных дел московских лишенцев является монография В. И. Тихонова, В. С. Тяжелниковой, И. Ф. Юшина, использовавших количественные методы и специальную компьютерную программу при обработке этого вида массовых источников [20]. Особый интерес представляет работа американской исследовательницы советской политической и культурной истории Ш. Фицпатрик, посвященная вопросам индивидуальной идентичности в обществе. Историк обращается к сюжетам формирования повседневности «маленького человека» под воздействием «большой политики» посредством социальной инженерии и классово-дискриминационной деятельности большевиков, оценивает лишенцев в качестве новой сословно-классовой общности, выделившейся по юридическому признаку [21].

В региональной исторической науке социально-правовые и экономические стороны положения лишенцев Урала и Западной Сибири изучались в трудах Н. Л. Мазур [13], Ю. И. Голикова, В. И. Пинкина, Л. И. Пыстиной, С. В. Шейхетова [14], М. С. Саламатовой [17], Е. В. Байды, В. М. Кириллова [18] и др. Тактики поведения отдельных групп лишенцев данного региона освещались в работах А. П. Килина, З. Ш. Мавлютовой, Д. Н. Москаленской [8; 12; 15]. Однако до сих пор в научном сообществе специалистов, занимающихся этой проблематикой, не было исследований, анализирующих сферу частных человеческих переживаний, социально-психологические факторы, связанные с феноменом маргинализации лишенцев города Тобольска и округа.

Источниковой базой настоящей работы стали материалы двух фондов Государственного архива в г. Тобольске (Р-434 и Р-462), представляющие большой информационный потенциал и позволяющие рассмотреть вопросы лишения избирательных прав и процесс реабилитации жителей Тобольского округа [2-4]. В ходе исследования было выявлено и обработано более 150 личных дел лишенцев, сформированных Тобольским окружным исполнительным комитетом Совета депутатов трудящихся и исполнительным комитетом Тобольского городского Совета народных депутатов. Для предметного источниковедческого анализа отобрано 103 наиболее репрезентативных комплектов личных дела лишенцев, исходя из степени информативности, учитывая особенности поставленных задач и используемых методов изучения.

Практическая значимость определена возможностью создания на основе результатов исследования специальных курсов лекций по локальной истории, исторической психологии и антропологии, раскрывающих особенности повседневной культуры «советского человека», истории его взаимоотношений с властью, преобразования ментальных дискурсов в ходе складывания тоталитарной системы на региональном уровне.

Начало процессу лишения гражданских прав в раннесоветском государстве было положено принятием в июле 1918 г. Конституции РСФСР. От участия в выборах устранились лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовой доход, частные торговцы, служители религиозных культов, служащие полиции, душевнобольные и состоящие под опекой, осужденные за преступления [9, с. 561]. В последующих законодательных актах 1920-1930-х гг. – Конституции РСФСР 1924 г., инструкциях о порядке выборов в городские и сельские советы, декретах ВЦИК – происходили изменение и корректировка норм и механизмов внесудебного ограничения в гражданских правах, что способствовало расширению круга лишенцев.

В Тобольском округе в 1920-1930-е гг. численность лишенцев в различные периоды варьировалась от 1% до 10% от общего количества граждан избирательного возраста. По сведениям З. Ш. Мавлютовой, в 1924-1925 гг. по Уральской области число лишенцев составило 39 630 чел., в 1925-1926 гг. – 19 622 чел., в 1929-1930 гг. – 125 969 чел. [12, с. 54]. Согласно информации, приведенной в списках лишенцев середины 1920-х гг., систематически составлявшихся, обновлявшихся и регулярно печатавшихся для широкого ознакомления публики, в октябре 1925 г. в Тобольске на учете состояло 596 человек, лишенных избирательных прав, в Тобольском округе – 805 чел., в 1928-1929 гг. по городу и району – 1 006 чел., а в 1929-1930 гг., напротив, количество лиц этой категории сократилось до 765 чел., что было связано, в первую очередь, с отъездом населения из города в сельскую местность [3, д. 49, л. 7].

Всего было проанализировано 235 заявлений в органы власти различных уровней: первичные прошения в сельские советы и избирательные комиссии; ходатайства в Березовский, Демьянский (с 1925 г. – Уватский), Дубровинский, Кондинский, Обдорский, Самаровский, Сургутский, Тобольский, Черноковский райисполкомы; Тобольский городской совет, городскую избирательную комиссию, милицию и прокуратуру, народный суд, окрисполком; Уральский областной исполнительный комитет; Президиум ВЦИК и т.д.

По своей структуре личные дела жителей Тобольска и Тобольского округа имеют комплексный состав: эго-документы нарративного характера, созданные непосредственно заявителем или при его прямом участии (заявления, жалобы, прошения, ходатайства); документы, подтверждающие изложенную в обращении версию своей реабилитации (справки со службы, финансовые документы по налогообложению и имущественному положению, медицинские справки и др.); материалы органов власти (постановления, решения, выписки из протоколов избирательных комиссий, уведомления и т.д.).

Ограничение в правах гражданства означало не только утрату человеком электоральной активности, но и выбрасывало его за рамки привычного социального сегмента, ставя на грань выживания. Последствия этого дискриминационного акта затрагивали все сферы жизнедеятельности людей, в корне изменяя их

личностный статус в микросоциуме: лишали работы, жилплощади, возможности получать образование, служить в армии, состоять в кооперативах, пользоваться социальной помощью, прежним уважением и доверием окружающих и т.п. Следовательно, борьба за возвращение репутации полноправного гражданина Советского государства была витальной необходимостью, имела в основе не только прагматические причины по восстановлению социально-политической и экономической стабильности, но и чрезвычайно мощную морально-психологическую мотивацию.

Деятельность лишенцев по возвращению своих избирательных прав возможно расценивать как одну из показательных форм взаимодействия власти и социума в локальных общественно-политических практиках. Борьбу за восстановление своего правового статуса ходатай начинал с создания заявления соответствующего содержания и направления его в определенную инстанцию местного уровня (в сельский совет, районную/городскую избирательные комиссии). Документы данного типа присутствуют во всех материалах личных дел. В зависимости от результативности решения вопроса на «нижнем» этаже власти дальнейший механизм прохождения прошений по инстанциям включал этапы апелляции в областные и центральные избирательные органы.

На нашем материале не наблюдается строгой зависимости названия обращения и его содержания. В нарративных документах, озаглавленных как «заявление», могли содержаться прямые протесты на неправильное лишение гражданских прав, а «жалобы», напротив, не всегда имели яркую ламентационную окраску. В отдельных случаях встречались нестандартные наименования ходатайств, носящие личностные черты. Н. Г. Бабкин свое обращение в Уральский облисполком назвал «Моя покорнейшая просьба» [2, д. 129, л. 10].

Личные дела лишенцев содержат примеры анализа собственного опыта общения с властью. Оценочные характеристики действий инстанций низового уровня наиболее часто сводятся к обвинению в формализме, бюрократизме, «тупом следовании букве закона». Так, И. М. Уженцев, ходатайство которого было отклонено на местном уровне по причине отсутствия пятилетнего трудового стажа, в своем заявлении Президиуму Уральского облисполкома подробно объяснял проблемы с получением работы в государственных хозяйственных учреждениях и общественных предприятиях – инвалидность 4 группы, запрет на занятие тяжелым физическим трудом, бывшая в городе Тобольске в прошлые годы безработица, незнание ремесел, невозможность в последние годы получить соответствующую состоянию здоровья работу [Там же, д. 53, л. 8]. В заявлениях, адресованных в инстанции областного уровня, он несколько раз выдвигает обвинение районным властям в бюрократическом отношении к человеческой судьбе: «В силу безвыходного положения я возбуждал перед РИКом (районный исполнительный комитет. – Е. Ю.) ходатайство о восстановлении меня в избирательных правах в надежде, что он при рассмотрении моего дела будет руководствоваться не одной только буквой закона, но войдет по существу в мое дело, и просьбу мою удовлетворит»; «юркомиссия отнеслась ко мне с формальной, строгой стороны, отклонила просьбу, не задаваясь мыслью о том, мог ли я и могу ли в данное время, будучи отщепенцем, получить трудовой стаж»; «к разрешению моего вопроса подошли слишком формально, поэтому постановление является крайне несправедливым» [Там же, л. 2, 8, 17].

Противоположный спектр оценок деятельности местных властей выражался в обвинениях в несоблюдении или искажении смысла нормативно-правовых актов, нарушении установленных законодательством действий, допущении процессуальных ошибок.

Субъективная сторона суждений заключалась в уличении конкретных представителей власти в намеренном сведении личных счетов с подателем заявления. Подобными мотивами объяснял житель деревни Нижние Аремзяны Тобольского округа И. Д. Бронников отказ председателя сельсовета в восстановлении его в правах. Критикуя действия властей, он пользовался аналогией из «старой жизни», сравнивая позицию председателя с поведением исправников при царизме: «С людьми у нас в сельсовете даже и разговаривать не хотят. Весь материал на меня есть только одни нападки, ничем не подтверждаются, служить основанием для лишения прав не могут» [Там же, д. 15, л. 2].

В заявлениях такого рода прослеживается тенденция обвинения местной власти в предвзятом отношении к одним гражданам, фабрикация дел в отношении них и снисхождении к другим при явной схожести имущественного положения и комплекса «преступлений»: «В таком случае надо было лишить всех моих компаньонов, но никто из них прав не лишен. Весь материал, помещенный в деле против меня, пристрастный и ничем не обоснован» (Г. К. Шумилов); «Нахожу лишение меня избирательных прав несостоятельным, ибо батраки имеются и в других хозяйствах» (С. Ф. Канаев); «РИКу надо было кого-нибудь лишить, ну и взялись за придумывание и подыскивание “подходящих”» (Н. Н. Шеймин) [Там же, д. 13, л. 13, д. 51, л. 15, д. 52, л. 18]. В ходатайствах есть попытки перенаправить внимание на «провинившихся» односельчан иногда с точным указанием лиц: «Уватская избиркомиссия лишила нас прав, не имея на то основания, и не лишает тех, кого следовало бы лишить. Между тем в нашей деревне есть крупные торговцы, не лишенные права голоса (далее следует перечень фамилий. – Е. Ю.)» (А. Н. Тальничных, В. А. Тальничных) [Там же, д. 21, л. 35].

При анализе локальных материалов становится очевидным, что основанием для лишения избирательных прав могли стать атипичные обстоятельства, не указанные в законодательных актах РСФСР и инструкциях о выборах в Советы. Чаще всего это были реальные или приписываемые гражданину сюжеты биографии, зависящие от конкретной исторической ситуации, сложившейся в определенном регионе. Одной из причин дискриминации было участие в политических событиях местного масштаба. Например, Д. Д. Бронников первоначально попал в списки лишенцев за торговлю фуражом и содержание постоянного двора. В ходе разбирательства в деле появились дополнительные обвинения – «участие в бандитском восстании, председательство в волостном совете при власти бандитов и проявление активного участия на этой службе» (имеется в виду Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. – Е. Ю.) [Там же, д. 15, л. 6-8].

Весь комплекс действий лишенцев (возбуждение ходатайства, механизм последовательных обращений в соответствующие инстанции, выстраивание линии собственной защиты, формирование цепочки доказательств невиновности перед советской властью, выбор аргументов, конструирующих положительный образ, сбор и предоставление в органы власти оправдательных документов) можно обозначить реабилитационной деятельностью, ориентированной на достижение конкретной стратегической цели – освобождения от искусственно принятого статуса маргинала.

Процесс борьбы за восстановление избирательных прав мог продолжаться несколько лет, поэтому столь длительное пребывание в «пограничном» периоде вырабатывало определенную форму социального существования человека, обусловленную особыми психоэмоциональными реакциями. Специфика позиции субъекта, ведущего борьбу за возвращение своего прежнего статуса, объясняется, с одной стороны, уже свершившимся фактом лишения прав, а значит, вступлением в силу всех последствий этого, с другой стороны, невозможным для психологического восприятия индивида признать себя отверженным, выброшенным за рамки привычного социального круга.

Общим в психологических реакциях всех граждан, подвергшихся дискриминации, было чувство ошеломленности, недопустимости и несправедливости происходящего. Эмоциональные оценки приобретения репутации лишенца, выражавшиеся в речевых эпитетах крайне экспрессивной окраски, находились в негативном спектре переживаний. Особенно заявителей оскорбляла позорность и незаслуженность этого «звания»: «Положение каких-то отщепенцев общества мы расцениваем для себя невозможным, унижительным, т.к. его мы не заслужили и надеемся, что не заслужим. Мы, позором себя не заклеившие, считаем унижительным для себя подвергаться этой участи» (*П. Ф. Нижегородцев, И. Ф. Нижегородцев*); «Положение лишенки слишком тяжело, унижительно и обидно для меня» (*А. Ф. Нижегородцева*); «Считаю лишение меня прав несправедливым и незаконным, подлежащим отмене» (*Х. М. Курбанов*) [Там же, д. 35, л. 2, д. 39, л. 6, д. 83, л. 2].

Больше всего обескураживала безысходность данного решения: «Неужели я должен всю свою оставшуюся жизнь быть лишенцем, я думаю, что нет» [Там же, д. 83, л. 2]. Этой же позиции придерживался политический ссыльный, кооператор, краевед Дмитрий Павлович Реут. Он пытался активизировать деятельность сотрудников Уральской областной избирательной комиссии, убедительно призывая их «найти какие угодно справки», чтобы можно было снять с него «это позорное, незаслуженное клеймо» [Там же, д. 57, л. 13]. Примечательно, что слово «лишенец» он осознанно брал в кавычки, не допуская мысли окончательного утверждения своей новой социальной роли.

Напротив, возвращение права голоса рассматривали как восстановление справедливости, данное стереотипное выражение присутствует в каждом четвертом заявлении: «Прошу Уралоблисполком постановление президиума Тобокрисполкома отменить и восстановить меня, что будет актом справедливости по отношению ко мне» (*З. А. Венецкий*) [Там же, д. 68, л. 7].

Одной из черт маргинального человека является неспособность определить источник и причину конфликта, приведшего к ухудшению его положения. Подобное явление было свойственно психоэмоциональному состоянию тобольских лишенцев. «Я не был прихвостнем Колчака, как и ничьим, боролся с реакцией как мог. Ни с кем не сводил личных счетов, но со мной свели и сводят в 1920-1929-х гг. За что – я не знаю!» – писал С. Л. Дубов, обращаясь в Березовский сельсовет [Там же, д. 29, л. 6].

Практически все авторы ходатайств считали неправильными постановления органов власти по поводу лишения политических прав в отношении себя, но, несмотря на это, выбирали различные виды аргументации, тактики доказательств и типы социально-психологических стратегий.

Основными методами при возвращении лишенцами своего доброго имени были использование естественных (показания свидетелей, документы) и логических (факты, апеллирующие к человеческому рассудку) доказательств, чувственных (обращенные к сопереживанию, вере) и иллюстративных (конкретные сюжеты из жизни адресанта) видов аргументов, применение доказательной и недоказательной тактик. Спектр приводимых заявителем доводов зависел от принятия того или иного способа реабилитации.

С позиций социальной психологии деятельность граждан в процессе борьбы за статус полноценной в правовом и экономическом отношении личности укладывается в концепцию совладающего/преодолевающего поведения, «позволяющего субъекту с помощью осознанных действий и способами, адекватными личностным особенностям и обстоятельствам, справиться с трудной жизненной ситуацией» [11, с. 57]. На материалах личных дел лишенцев прослеживаются, по крайней мере, три вида социально-психологического совладания, свойственных этой маргинальной группе населения. Первый стиль преодоления условно может быть охарактеризован как «растерянный человек», ищущий понимания, сочувствия и даже жалости со стороны власть имеющих людей. По нашим наблюдениям, подобное поведение чаще всего практиковали малограмотные или неграмотные категории населения, занимающиеся, как правило, неквалифицированным трудом. В заявлениях людей этого типа самоощущения бóльший упор делался на описании своего низкого социально-имущественного положения, тяжелых жизненных условий в дореволюционный период. Оправдательная тактика с использованием чувственных аргументов, обращенных к сопереживанию и эмоциям адресата, превалировала в таких ходатайствах, основываясь на констатации своей социальной зависимости, а потому вынужденного обращения к общественному порицаемому виду деятельности – торговле, существованию на нетрудовые доходы, службе в полиции, церкви и т.п.

Уроженец Смоленской губернии Егоров П. Е., с женой и четырьмя детьми переселившийся в Сибирь, спасаясь от голодной смерти вследствие неурожайного 1918 г., в экспрессивных тонах передавал трудности водворения на новом месте: «Приехав в Тобольск, после долгих скитаний и мытарств устроился в отдел

социального обеспечения в качестве конюха. Жена зарабатывала в том же учреждении чайницей и мытьем полов» [2, д. 9, л. 4]. При объяснении своей торговой деятельности ходатай отмечает, что единственной причиной этому была безвыходность сложившейся ситуации: «Наши деды, отцы и прадеды не знали что такое торговля. И мы с женой в этой несчастной торговле ничуть не виноваты, все это дело случая. Вся наша жизнь полна труда и заботы. Выросли в крестьянстве, все черные поденные работы прошли, рады были 40 коп. Работали не как теперь 8 часов, а битых 16. Голодная стихия загнала нас сюда, заставила всем, чем можем, зарабатывать себе кусок хлеба и только существовать не голодным и не раздетым» [Там же, л. 5]. Подобное объяснение было ведущим лейтмотивом эго-текстов в подавляющем большинстве случаев.

Этот же доказательный стереотип демонстрируется в жалобе бывшего служащего тюремного ведомства П. А. Данилова, исполнявшего обязанности надзирателя над уголовными преступниками «исключительно из необходимости достать Кусок Хлеба, не имея никаких других средств существования» [Там же, д. 89, л. 8]. Желая усилить эффект сострадания к себе, заявитель продолжает оправдательную линию приемом «заигрывания с властью», ассоциируя собственное положение со своими бывшими подопечными: «Долгим подневольным трудом понял, что только советская власть всем угнетенным в царское время даст окончательное освобождение от темноты и гнета» [Там же].

Примером оригинального доказательства невинности было желание обратить свои индивидуальные недостатки в реабилитирующее обстоятельство. Лишенцы этого стиля совладания заявляли, что по причине малограмотности никакой политической опасности для Советского государства не представляют.

Перечень документальных обращений в личных делах этой социально-поведенческой группы невелик, часто в них наличествует только одно заявление. Сами нарративы довольно кратки, в их содержании преобладают чувственные и иллюстративные доказательства, просьбы о восстановлении в правах, выраженные в уничижительной форме, тезисы о несправедливости решения избирательных комиссий и своей невинности, ничем не доказываемые. Это позволяет предполагать, что граждане данного социального поведения ограничивались подачей заявления лишь в инстанции низового уровня, при первой же неудаче оставляли борьбу за свои права. Вероятно, столь пассивная позиция объясняется неуверенностью в собственных силах в связи с низким уровнем или полным отсутствием образования, юридических и политических знаний. Такой вид адаптации можно интерпретировать как феномен приспособляемости, выражавшийся в формуле «чего нельзя избежать, с тем нужно смириться». Данное социально-психологическое явление выражается не в самостоятельном, глубоко продуманном выборе жизненных и социальных ценностей, а в приспособительном отношении к существующему порядку вещей, в отсутствии стремления к продуктивным изменениям и в итоге приводит к конформному принятию возникшей ситуации [7, с. 47].

Второй тип личности лишенца – «человек силы», уверенный в своей невинности перед советской властью, знающий себе цену, обладающий высокой самооценкой благодаря своей прошлой и настоящей социальной активности, степени вовлеченности в экономическую и общественную сферу, а потому требующий сатисфакции за свои заслуги перед обществом и властью. В противовес первому варианту совладания представители этой стратегии при столкновении со стрессовыми ситуациями не только адаптировались к ним, но и использовали возможность личностного развития, трансформируя свой «стереотипный репертуар» манипуляций к новым требованиям среды [Там же]. Для них свойственно конструктивное взаимодействие с органами власти, контроль над процессом рассмотрения своих дел, попытки отслеживания прохождения заявлений по инстанциям и мобилизации деятельности избирательных комиссий.

С описанным выше психологическим стилем поведения их объединяет высокий уровень эмоциональности, прослеживающийся в документальных обращениях, поэтому изложение материала в заявлениях граждан первого и второго поведенческих типов периодически прерывается лирическими отступлениями, нередко далекими от поставленной цели и не лишенными черт наивной сентиментальности.

В качестве общих и основных аргументов, приводимых с целью формирования позитивного образа, было обращение внимания на свою службу в рядах Красной армии, содействие мероприятиям советской власти, общественно-полезную деятельность и наличие трудового стажа в течение длительного времени. Ориентируясь на содержание законодательно-нормативных актов, ходатаи полагали, что именно эти основания являлись ключевыми реабилитационными обстоятельствами. Авторы заявлений особо указывали на факты своей трудовой занятости с самого начала установления советской власти в Тобольске и вплоть до момента лишения их избирательных прав: «Шестнадцать лет употребил на работу по найму, непрерывно со времени власти рабочих, не за страх, а за совесть, что подтверждается благодарностями и денежными поощрениями с занесением в трудовой список за добросовестное отношение к порученному делу»; «Работаю у Советской власти с момента прихода Красных войск, к службе отношусь ревностно» (П. М. Кузьмин) [2, д. 81, л. 12, 15].

Действительно эта группа лишенцев характеризуется очень активной жизненной позицией. Перечисление своих заслуг перед советской властью – самый масштабный блок доказательств собственной невинности, отличающийся огромным разнообразием примеров. Эти аргументы массово встречаются в подавляющем числе заявлений в избирательные органы власти всех уровней. К аргументам этого ряда, которые в большинстве случаев подтверждаются документально, относятся уверения в самоотверженном участии в проведении продразверстки, коллективизации, распространении госзаимов индустриализации, вербовке новых членов в коммуну и т.д. В качестве положительных доводов в свою пользу ходатаи приводят работу в советских учреждениях на выборных должностях, участие в кооперативных организациях: «В 1918 г. я был избран председателем первого Исполнительного комитета, с 1921 г. выдвинут членом комитета и сельсовета, исполнял

ответственные поручения» (*Д. Н. Паршуков*); «В 1924-1927 гг. в Тобольске являлся членом и председателем ревкомиссии, казначеем месткомвода, участником бюро коммунального сектора, членом Горсовета и профсоюза “Водников”» (*А. Г. Субботин*); «С 1920 по 1927 гг. была членом союза Совторгслужащих, союза Рабпроса, бюро разных кружков, зампредом Исполбюро 1-й Северной Томской школы машинисток, нарзаседателем в Тюмени» (*А. Ф. Нижегородцева*) [Там же, д. 39, л. 17, д. 77, л. 1, 9, д. 86, л. 12].

Тема лояльности к советской государственной системе в эго-текстах выражалась в нескольких вариантах. Преимущественно лишенцы придерживались стереотипных принципов, демонстрируя свою истовую преданность действующему режиму. Такие нарративы содержат типичные иллюстративные примеры и шаблонные доказательства: «Всем мероприятиям советским шел навстречу и принимал активное участие» (*М. А. Торопов*); «Советской власти я всей душой сочувствую» (*П. А. Данилов*); «Если бы я был противником советской власти, то никогда не пошел бы добровольцем в ряды Красной армии» (*И. Е. Федуров*) [Там же, д. 44, л. 12, д. 58, л. 15, д. 89, л. 3].

Другой вариант представлен нейтральной позицией, когда заявитель считал, что доброжелательное отношение и незапятнанный имидж уже есть исчерпывающее доказательство лояльности: «Ни в чем предосудительного замечен не был. Какие особенные проявления моей лояльности требуются, я не понимаю. Раз никакого противодействия ни явного, ни скрытого не проявляю, тем самым мое отношение является лояльным» (*И. М. Уженцев*); «Моя лояльность к советской власти доказывается уже тем, что я никогда нигде не выказывала враждебности к проводимым ею мероприятиям» (*А. И. Михалева*) [Там же, д. 53, л. 17, д. 93, л. 5].

Отдельные граждане фиксировали в документах свой авторский взгляд на социально-политическое развитие общества. «Идеям построения социализма через диктатуру пролетариата я не противостоял, но считал своим долгом бороться с людьми, называющими себя коммунистами, а в практической работе своими действиями, наносящими вред социалистической идее, отсюда и укрепление этикета “эсер”», – писал С. Л. Дубов [Там же, д. 57, л. 25]. В его эго-текстах имеются довольно оригинальные и неосторожные трактовки лояльности советской власти, переходящие в оценочные суждения с содержанием большой доли критики, несущие прямую угрозу не только благополучию, но и жизни апеллянта. Выражая свое отношение к политическому режиму, в своем ходатайстве от 17 декабря 1929 г. в Березовский сельсовет он открыто заявлял: «Я лоялен и не хочу не во что вмешиваться. На современную политику смотрю как на авантюру, ведь им больше ничего не надо как власть и править. Это значит, Микола разрушит престол божий, сам будет богом! А я честно заявляю всем, что я этого бога не признаю и не вмешиваюсь ни в какую политику» [Там же, д. 29, л. 9].

Автобиографическая часть, наличествующая практически в каждом личном деле, являлась самой важной составляющей обращения, образующей его структуру, а также доминантным звеном доказательной линии. Именно эта информация была призвана составить благоприятный имидж подателя документа перед членами избирательных комиссий. В зависимости от используемой реабилитационной тактики формировались содержание, эмоционально-интонационная и тенденциозная окраска, степень подробности излагаемых событий. Доля присутствия автобиографической информации в рассмотренных эго-документах различна. В ряде заявлений, принадлежащих апеллянтам первого социально-психологического типа, встречены лишь отрывочные сюжеты биографий.

Факты жизни, сообщаемые в обращении, предварительно тщательно обдумывались, им придавалась определенная смысловая нагрузка. Довольно объемные по содержанию автобиографические сведения выделялись в отдельный текст или оформлялись в виде самостоятельной рубрики ходатайства с соответствующим названием: «Моя краткая автобиография», «Краткая биография жизни», «Факты из моей жизни» и т.п. Представление событий биографии в большинстве документов укладывалось в обычную схему жизнеописания. Структура автобиографических данных задавалась цикличностью жизни человека, ограничиваясь характеристикой основных этапов частной истории. Наиболее важные, по мнению создателя текста, эпизоды раскрывались с особым тщанием. Как правило, отдельное внимание акцентировалось на детском периоде с целью доказательства социальной «незамаранности», пролетарского происхождения себя и своей семьи, невинности перед трудовым советским народом. В этих текстах доминирует описание раннего вступления в тяжелую трудовую жизнь ради помощи родителям: «Родилась в бедной семье, отец был пролетарий. Я с 12 лет работала по чужому найму, всю молодость провела, занимаясь в качестве швеи и зарабатывая средства для себя и семьи» (*А. И. Михалева*); «С 10 лет должен был сам зарабатывать кусок хлеба себе, помогать отцу, воспитывать шестерых братьев. В 12 лет уехал на заработки вниз по Иртышу гребцом на каюке и работал за 12 руб. в 3 месяца. Потом стоял бакенщиком на перекате “Надцинском”, был батраком по крестьянским хозяйствам. Помогал своим старикам-родителям прокормить братьев» (*Х. М. Курбанов*); «Был батраком, работал у своего отца на канатном производстве как рабочий, не получал какого-либо вознаграждения, находясь на его иждивении и в полной зависимости» (*Ф. Е. Ланин*) [Там же, д. 79, л. 7, д. 83, л. 1, д. 93, л. 2-3].

Некоторые лишенцы выбирали достаточно интимные подробности своей детской биографии, «обнажая» негативные стороны повседневности, вероятно, интуитивно пытаясь добиться максимального эффекта сочувствия со стороны целевой аудитории: «Родился в семье солдата, жившего на скудные средства от сдаваемой квартиры и продажи молока. Матери лишился, будучи 6 дней. Воспитывался у дедушки сапожника, где частые семейные споры и пьянство заставили меня самого заняться своим воспитанием вплоть до поступления в ремесленное училище» (*Д. П. Реут*) [Там же, д. 57, л. 13]. П. М. Опарин останавливался на жестоком обращении с детьми в дореволюционных учебных заведениях, которое, по его убеждению, сказало на его дальнейшей жизни, характере, уровне образования: «Вдова мать работала поденно в чужих людях. В 8 лет поступил в Суксунское училище, на первом же году учебы был высечен розгами за детскую

шалость. С этого наказания при своем малолетнем возрасте стал бояться всех училищ, поэтому остался на всю жизнь малограмотным» [Там же, д. 70, л. 36].

С целью трансформации отношения органов власти к себе в лучшую сторону адресанты описывали ключевые с этой точки зрения факты и обстоятельства частной жизни. Например, женщины-лишенки информировали избирательные комиссии о подробностях своей часто несчастливой супружеской жизни. А. И. Михалева 12 лет прожила в браке с крупнейшим представителем частного капитала г. Тобольска, хозяином торговых заведений и пароходоладельцем, купцом 2-й гильдии Д. И. Голевым-Лебедевым. По личному мнению апеллянтки, действительной «скрытой» причиной лишения ее гражданских прав явился именно этот факт биографии. Пытаясь оправдать «порочащий» ее шаг, она утверждает, что решилась на него под влиянием родственников в 22-летнем возрасте. Анализируя этот период жизни, А. И. Михалева принимает на себя роль жертвы, подчеркивая свое угнетенное положение. Отмечая жесткое отношение к себе мужа, женщина интерпретирует это как классовую неприязнь: «О том какова была моя семейная жизнь может понять лишь тот, кто близко наблюдал отношение кулаков-самодуров к женам, если таковые происходили из бедной семьи. Я терпела до 1923 г., когда смогла вырваться от мужа и заняться самостоятельным трудом» [Там же, д. 93, л. 5].

В некоторых ходатайствах изложение биографической информации решено в виде чрезвычайно странного жизнеописания, что роднит их с жанром воспоминаний. В этом корпусе автобиографических текстов маргиналов-лишенцев присутствуют очевидные попытки самоидентификации в предлагаемых обстоятельствах, переоценки своего прошлого, выраженные в различных формах саморефлексии. В качестве ведущей формы рефлексии для анализа собственной жизни и соизмерения индивидуальной истории с общими социально-политическими процессами граждане использовали способ ретроспективного самообращения.

Особенно болезненно воспринимали смену правового статуса люди, имевшие в прошлом богатый опыт общественно-революционной борьбы – бывшие политические ссыльные. Д. П. Реут, лишенный права голоса в январе 1930 г. Кондинским сельсоветом Березовского района, так реагировал на это событие: «Жутко становится, что мой путь, прошедший на глазах всех активно боровшихся в Тобольской губернии за свержение царизма и восстановление власти рабочих, путь полный лишений, борьбы, тюрьмы, ссылки, нелегалщины и опять борьбы, все, абсолютно все пограно одним постановлением лишения меня права голоса» [Там же, д. 57, л. 13].

С 1902 г. Д. П. Реут состоял в партии социалистов-революционеров, проводил всевозможную агитационную работу. В 1905 г. во время службы в Уфимских железнодорожных мастерских участвовал в вооруженном выступлении, за что был арестован и сослан на Север Тобольской губернии в село Кондинское. В 1906 г. бежал, перейдя на нелегальное положение, работал слесарем на заводе Машарова в Тюмени, в частных мастерских, занимался профессиональной и партийной деятельностью. С первых дней революции в 1917 г. принимал активное участие в перевороте, что было отмечено делегированием его в Президиум Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Несмотря на большой стаж общественно-политической борьбы до и после революции, внушительный послужной список работы в советских учреждениях, участие в кооперативном движении, он не добился своей реабилитации. В период проведения усиленной кампании по коллективизации в феврале 1930 г. был наравне с кулацким элементом выслан за пределы Березовского района. Характерно, что неудачи в ходе восстановления своих прав он связывал с фактом бывшего членства в рядах партии эсеров: «В 1908 г., не разделяя общего положения и тактики партии, вышел из нее. Однако ярмо эсера сохранилось за мной до сих пор, т.к. я не скрывал своего прошлого. Только отсюда проистекает все в моей жизни» [Там же, л. 25-26]. Комментируя свой статус беспартийного на момент окончательного утверждения советской власти, он объяснял это не политическими причинами, а мотивами индивидуально психологическими: «Раз я не вступил в коммунистическую партию в период острой классовой борьбы, вступить после 1920 г. я уже не мог, т.к. предлагать свою помощь тогда, когда революция в этой помощи стала меньше нуждаться походило бы на обманное примазывание» [Там же].

Лишение права голоса не только вызывало сильные негативные эмоции, но и травмировало чувство самоуважения, становилось причиной снижения самооценки, уязвленного самолюбия, приводило к изменению ценностных ориентиров, в отдельных случаях – к признакам фрустрации личности. В апелляционных делах лишенцев встречаются совершенно эксклюзивные психоэмоциональные проявления предельной разочарованности жизнью, осознания бесполезности существования, в том числе по причине отрицательного опыта взаимоотношений с местными властями, неудовлетворенности конечным результатом борьбы за избирательные права.

Подобное социальное поведение демонстрируется в эго-текстах С. Л. Дубова, лишенного права голоса «за руководство и активное участие в разгроме Березовского Совета депутатов в 1918 г.» [Там же, д. 29, л. 6]. Сам Степан Леонович, отбывший несколько лет царских тюрем, крепостное заключение в каторжной тюрьме и пять лет ссылки, оценивал обвинение в борьбе с советской властью как откровенную клевету. Его заявление в сельсовет содержит мельчайшие подробности борьбы за власть в Березове зимой 1918 г. В результате этих событий С. Л. Дубов оказался арестован за монархические взгляды, что для него, бывшего политссыльного, явилось сильнейшим испытанием. «Я всю мою жизнь искалечил, борясь против монархии. В Березове все знают, что я никакой дружбы, никакого общения с чиновниками, особенно с полицией не имел», – писал С. Л. Дубов в очередном обращении [Там же].

После многих лет отбывания наказаний и особенно двух лет неудачной борьбы по реабилитации своего доброго имени в психологическом здоровье С. Л. Дубова произошли значительные изменения. Деятельный человек кардинально поменял образ жизни, занялся самой тяжелой работой, «стараясь найти покой в уединении». Сократив до минимума общение с обществом, он следующим образом описывал свое существование:

«Живу один, никому не мешаю, ни с кем не спорю из-за места по рыболовству или сенокосу. Никуда и ни к кому не хожу, кроме как купить что-либо или по крайней необходимости. Ни с кем не веду дружбы. Зимой сижу больной в доме. Веду честную отшельническую жизнь, один, один... Я никому не мешал, работал как сивый мерин» [Там же].

С. Л. Дубов добровольно устранился и от любого участия в политической жизни, потеряв веру «во всякую власть и политику». Выражая свои политические взгляды на момент подачи прошения, он писал: «Даю честное слово, что я ни в какую контору не вмешивался и не вмешиваюсь, и не буду вмешиваться, никому не мешаю, и не мешал» [Там же, л. 17].

Отчаянное положение его осложнилось серьезными проблемами со здоровьем: «...здоровье рушится. Живу полуодетым полуголодным больным инвалидом, но все-таки работаю. Я болен, нет средств, не дают покоя». Судя по справке, выданной заведующим Березовской больницей, в свои 54 года С. Л. Дубов страдал бронхиальной астмой, хроническим катаром желудка, суставным ревматизмом, неврастенией, хроническим бронхитом, был отнесен к 3 категории инвалидности [Там же, л. 19].

Конечно, на психическое самочувствие этого индивида во многом повлияли события дореволюционной биографии, но лишение избирательных прав стало последним ударом в цепи испытаний. «Еще раз прошу власть вернуть мне право голоса, кому следует предписать – не практиковаться над моим делом, дать мне покой», – так завершал свое заключительное заявление С. Л. Дубов [Там же, л. 20]. В данном эпизоде частной биографии нисходящая социальная мобильность вследствие лишения избирательных прав спровоцировала конфликт с общественной средой, стала причиной усталости, разочарованности в жизни и людях, привела к формированию совершенно индифферентного отношения к политической борьбе в прошлом политически активного гражданина.

В ходе изучения личных дел лишенцев, проживавших в Тобольском округе, были выявлены исключительные примеры презентации частной биографии в форме эпохального жизнеописания. В первом варианте автобиографические сведения приведены в материалах дела в виде обращения в Обдорское ОГПУ под общим заглавием: «Документ, говорящий о моих переживаниях и намерениях, но не поданный по назначению». Второй текст составлен в форме личного письма в качестве приложения к заявлению от 11 декабря 1931 г. председателю исполкома Ямало-Гыданского (Ненецкого) округа т. Ф. С. Скороспехову. Оба автобиографических эго-текста принадлежат авторству жителя села Обдорское Тобольского округа Александра Викентьевича Чечурова. Уникальные характеристики, присущие именно этому представителю группы лишенцев, заключаются в крайне ярком проявлении эмоционально-оценочной составляющей психологических реакций, чрезвычайно личностном восприятии событий своей нисходящей социальной мобильности, но при этом невероятно активной позиции в борьбе за восстановление прав. В текстах заявлений А. В. Чечурова присутствуют различные формы рефлексии: личностной, ретроспективной, социальной, ситуативной: «Я себя знаю с малых лет, и за весь этот ряд лет, будучи уже с определенными взглядами на жизнь и на все происходящее, я слишком хорошо себя проанализировал, сопоставив все свое прошлое и настоящее, я убедился, что врагом и чуждым ко всему происходящему я быть не могу!» [Там же, д. 106, л. 39].

Причиной социальной и ситуативной рефлексии субъекта, углубленного осмысления происходящего, пересмотра отношения к другим членам местного общества явился серьезный конфликт с окружающей социальной средой. Положение индивида, имеющего статус маргинала-изгоя, сына расстрелянного лишенца-кулака, в условиях замкнутого микросоциума небольшого северного села приобретало черты ментальной личностной трагедии, которую сам А. В. Чечуров выражал в следующем рассуждении: «Если я являюсь для Обдорского общества чуждым и не способным ни на что – то пусть оно меня оставит в покое. Уеду и буду человеком где-нибудь полезным. Работал, не делал пакостей, выгнали, загрязнили, причислили к чужакам. Если бы были у меня средства, я бы хлопотал перед вами о праве немедленного разрешения мне выезда. Я за бортом Обдорского судна, значит пора меня и забыть обдорцам или просто выслать, но применять ко мне насильственную эксплуатацию не совсем правильно, поскольку я нахожусь в Советском Союзе, а не где-нибудь в Алжире, и не негр. Если я далеко был от общества и не вел никакой общественной работы (уже после лишения избирательного права. – Е. Ю.), “не втискивался” в него с улыбкой на губах, только потому, что этого мне не позволял мой характер, понимание того, что за это “влезание” меня все и осмеют. Чувствуя свое происхождение, надеялся временем и старанием, зарекомендовав себя, думать о дальнейшем улучшении своей репутации в обществе» [Там же].

Разбирательство дела длилось два с половиной года, за это время в психологическом состоянии А. В. Чечурова появились явные деструктивные изменения, спровоцированные сильнейшим психоэмоциональным напряжением и стрессом из-за происходящих вокруг него негативных событий. Спектр этих характеристик, свойственных для социально-психологического положения маргинала, заключался в переживании собственной изолированности, отчужденности, разочарованности, в отчаянии, повышенной чувствительности и обостренном самосознании.

Чувство неадекватности самоощущения и реального статуса, конфликт внутреннего Я и окружающего мира проявлялись в виде колеблющейся групповой и психосоциальной идентификации. Череда неудач в попытках доказать свою невиновность, равнодушие служителей власти, антипатия земляков постепенно привели к эмоциональной усталости, потере работоспособности, стремительному снижению социальной активности ближе к концу реабилитационного периода: «Легче было бы быть действительно в чем-то виновным и получить окончательный приговор без права обжалования, чем быть так долго лишенцем ни за что,

но с правом обжалования, что весьма тяжело переживается морально и парализует всякие желания к какой-либо работе или занятию» [Там же, л. 67].

Болезненное ожидание дальнейшей участи вылилось в демонстрацию опасного поведения, заключающегося в желании немедленного, пусть самого страшного для себя, разрешения мучительной ситуации: «Если найдете, что я не достоин быть гражданином Советского Союза, так определите мне какое-нибудь наказание, но прекратите эти глупейшие нападки. Кто бы я ни был, но я же человек, кажется, не совсем красиво для советских граждан так издевательски относиться к Личности. Приговорите к расстрелу, высадке, ссылке, только бы был какой-нибудь определенный конец, а не издевательства» [Там же, л. 73].

Третий тип совладания с трудной жизненной ситуацией, присущий тобольским лишенцам, который условно возможно обозначить переходным или буферным, характеризуется проблемно-ориентированным планированием своей деятельности, ровным поведением, свойственным «тактике баланса», спокойными, но настойчивыми действиями апеллянтов. Нарративные тексты этой группы лишенцев отличаются сравнительно малым процентом эмоциональной напряженности, выдержанным стилем изложения фактической составляющей материала без отвлечения на посторонние темы и мелкие детали биографии, не относящиеся к основной задаче возвращения избирательных прав, логичностью построения линии защиты.

К этой социально-психологической стратегии прибегали люди, имеющие довольно высокий уровень политической и юридической грамотности на общем низком фоне образованности населения: крупные торговцы, служащие высокой квалификации, лица, принадлежавшие к интеллигентным кругам «бывшего» общества, и т.п.

Данный тип преодолевающего поведения наблюдается в заявлениях рабочих и служащих, психологическому портрету которых присущи профессиональная гордость и самоуважение. В составлении таких ходатайств можно заметить стремление сосредоточить внимание адресатов именно на своей профессиональной деятельности. Оформляя вступительную часть заявления, кроме стандартной информации, они указывали также свою должность или специальность: «В Тобольскую прокуратуру сотрудника Тобольского отделения Госбанка П. П. Ульянова»; «В Уральский областной исполнительный комитет слесаря П. М. Опарина» и т.п.

В таких случаях апеллянты старались каждое место службы подкрепить соответствующими доказательными документами, надеясь на снисхождение и повышенный интерес к себе со стороны власти как к лучшим представителям пролетариата. П. М. Опарин, позиционируя себя «образцом квалифицированной рабочей силы», пытался продемонстрировать степень своей общественной пользы точным описанием выполненных работ и приложением комплекса справок, свидетельствующих о том, что в своей мастерской он обслуживал целый ряд госучреждений и предприятий города: Тобсеверсоюз, Окрместхоз, Окрколхозсоюз, Райколхозсоюз, Рыбтрест и др. Имея большой опыт службы в различных заведениях города, он досконально излагал свой дореволюционный рабочий путь с предоставлением положительных отзывов от владельцев винокуренного завода братьев Трегубовых, хозяина мельницы Колмакова, администрации четырехклассного городского училища, паромовладельца Холина [Там же, д. 70, л. 3-7].

Полный послужной список трудовой жизни до- и послереволюционного периода прилагал к заявлениям служащий Тобольского отделения государственного банка П. П. Ульянов, анализируя свои профессиональные качества как главного контролера, старшего кассира, старшего бухгалтера, заведующего отделом активных операций [Там же, д. 50, л. 1, 9-15]. Он был абсолютным «рекордсменом» по устройству общественно-массовых мероприятий в многочисленных организациях города. С 1923 г. занимался изысканием средств путем постановки благотворительных вечеров, спектаклей и сборов по подписным листам. За 1923-1929 гг. им были проведены вечера в организациях МОПР, Осоавиахим, добровольном пожарном обществе, обществе «Беспризорник», ГПУ, пролетарском спортивном обществе «Динамо», Центральной библиотеке, шефском обществе культурной смычки города с деревней и др. [Там же, л. 11]. Ожидая достойной оценки и признания со стороны новой власти, П. П. Ульянов выражал желание быть полезным, доказывал необходимость использования своих возможностей, нецелесообразность и невыгодность лишения его избирательных прав.

Выходцы из бывших привилегированных сословий всеми способами пытались придать своим занятиям и социальному образу пролетарские черты. Для М. М. Марейна, который с 1895 г. по 1918 г. в качестве приказчика участвовал в торговле своего отца, известного тобольского купца Хайкеля Марейна, ведя все расчеты и торгово-бухгалтерские книги, задача создания реабилитационной стратегии была наиболее сложна. Линию защиты он выстраивал на факте своего членства в Тобольском обществе взаимопомощи приказчиков, по его мнению, прообразе современных профсоюзов, тем самым доказывая непричастность к непосредственному владению торговыми заведениями: «В члены общества принимались исключительно приказчики, но никоим образом не хозяева по торговле» [2, д. 26, л. 1; 4, д. 707, л. 4-6]. М. М. Марейн пытался обратиться в свою пользу и принадлежность к еврейской национальности, используя это в качестве оправдательного аргумента и отсылая адресатов к историческим фактам преследования евреев до революции: «Ни от кого не секрет как жилось евреям при царской власти, сколько гнета и всяческих мытарств вынесли они на себе» [2, д. 26, л. 2]. Кроме этого, он характеризовал себя очень грамотным, опытным служащим бухгалтерской сферы, поступившим на советскую работу в самое тяжелое время, в течение восьми лет проявлявшим максимум энергии и добросовестности, что подтверждалось серией доказательных документов. М. М. Марейн подчеркивал специфику занимаемых им должностей (ответственный гарантийный кассир, главный кассир), требующих абсолютного доверия со стороны начальства, которым он пользовался весь срок работы, последовательно служа в Обьтресте, Госторге, Госстрахе, Гособлрыбпроме [2, д. 26, л. 2-7; 4, д. 707, л. 4-6].

Жертвами дискриминационной социальной политики Советского государства 1920-1930-х гг. стали многие ключевые фигуры не только экономической, но и социокультурной инфраструктуры Тобольска. В начале 1929 г. избирательных прав были лишены владельцы одного из самых успешных и популярных фотографических ателье Тобольской губернии супруги Уссаковские. Официальной хозяйкой павильона являлась М. М. Уссаковская, которая была включена в списки лишенцев «в связи с существованием на нетрудовые доходы». Несмотря на то, что ее муж И. К. Уссаковский выполнял все основные работы в ателье в качестве обычного рабочего, он был устранен от участия в выборах как «живущий на иждивении своей супруги-лишенки» [4, д. 1243, л. 1, д. 1244, л. 2]. Пытаясь оспорить причисление себя к категории лишенцев, И. К. Уссаковский утверждал, что живет на деньги, которые зарабатывает упорным трудом простого фотографа. В процессе организации оправдательной тактики и подборе логических доказательств собственного трудового статуса он проводил аналогию между личным повседневным трудом фотографа и занятостью рядового рабочего, делая упор на ненормированный характер своего рабочего времени: «Я нахожусь у фотографического аппарата ежедневно и не сменно, также как любой рабочий находится у станка. Разница только в том, что он, отработав положенный срок, уходит домой, мне же приходится проводить в павильоне время до 1-2 часов ночи. Таким образом, мой рабочий день бывает не менее 10-12 часов» [Там же, д. 1243, л. 11]. В конце 1920-х гг. ателье Уссаковских продолжало работу и пользовалось большим успехом у представителей новой власти, поэтому И. К. Уссаковский призывал в свидетели своей трудовой жизни служащих местной советской номенклатуры, говоря, что «вся его практика находится на виду тобольского общества. То, что это так, я полагаю, подтвердит вся публика, бывающая в фотографии, в числе которой есть и члены избирательной комиссии» [Там же].

Вынужденное мероприятие по возвращению гражданских прав становилось не только катализатором психологической деятельности индивида, поводом для переосмысления прошлого, но также посылом к формированию модели предстоящей жизни в советских социально-политических реалиях. Конструирование собственного будущего в текстах личного происхождения, принадлежащих лишенцам, тесно связано с функционированием перспективной саморефлексии, планированием возможных инициатив, прогнозированием их результатов. Благоприятный сценарий развития жизненной перспективы в эго-текстах, безусловно, находился в прямой зависимости от положительного результата реабилитационного процесса. Поэтому лишенцы убеждали представителей органов власти дать им своеобразный социальный аванс в виде восстановления в правах, в свою очередь, обещая принимать самое активное участие в налаживании хозяйственной жизни страны на социалистических началах: «Советскому строительству я сочувствую, в любой колхоз готова пойти и честно работать» (*Ф. В. Белкина*); «Прошу ВЦИК восстановить меня для участия в дальнейшем великом строительстве социализма, пока позволяют мне силы и здоровье» (*П. М. Кузьмин*) [2, д. 69, л. 11, д. 81, л. 12].

Лица, находящиеся еще в работоспособном возрастном периоде, особенно энергично высказывались за продолжение полезной деятельности. Они освещали свои планы, которые укладывались в образ существования типичного советского гражданина, давали при этом своеобразный обет будущей «безгрешной» жизни: «Прошу пойти навстречу моей просьбе и в правах восстановить, это даст мне возможность встать в один ряды всех трудящихся и загладить вину перед советской властью упорным и честным трудом. Вся моя работа будет направлена лишь к тому, чтобы лучше выполнить возложенные на меня обязанности, и тем, по мере моих сил и возможностей, помочь рабоче-крестьянскому правительству возводить ту грандиозную стройку, которую взвалила на свои плечи партия и власть» (*Ф. В. Белкина*) [Там же, д. 69, л. 8]. Молодые люди нередко предполагали конкретные шаги для общественной пользы: «Я еще молод, мне 23 года, стремлюсь к сбережению своего хозяйства, культивации его на благо страны, но наложенное на меня звание лишенца отражается на правоспособности» (*Н. Н. Шеймин*); «В настоящем году мною подано заявление в клуб “Профинтерн”, в котором я предложила свой безвозмездный труд по части преподавания кройки и шитья» (*А. И. Михалева*) [Там же, д. 51, л. 7, д. 93, л. 14].

Яркий пример формирования индивидом своего будущего в рамках советской действительности, реализованный посредством перспективной рефлексии, принадлежит бывшей воспитаннице Иоанно-Введенского женского монастыря Е. Л. Поникаровской. Это классическое проявление социокультурного феномена эмансипирования советской женщины, только зарождающегося в сибирском обществе, приведшего в итоге к генезису гендерной системы. Евфимия Поникаровская выражает категоричное желание обрести экономическую автономность, стремится к самостоятельности, свободной трудовой деятельности: «Не хочу и не могу быть в материальной и прочей зависимости от мужа. Я хотела бы жить личным трудом, но поражение в правах мешает устроиться на работу. Я твердо решила трудиться, думаю, что Уралоблисполком, учтя это обстоятельство, а не давнюю мою службу в церкви, и мое пролетарско-крестьянское происхождение, подаст мне руку помощи. Уверенность в этом во мне еще более крепнет и потому, что Советское законодательство идет навстречу женщине и ее раскрепощению, а тем более при ее стремлении к этому» [Там же, д. 12, л. 2 об.].

К самым уязвимым слоям населения, подвергшимся дискриминации в виде ограничения в политических правах, относились неспособные к тяжелому физическому труду инвалиды, люди преклонного возраста, одинокие женщины и старики, малограмотные и неграмотные граждане. При отклонении избирательными комиссиями их прошений они автоматически опускались на самое дно социальной лестницы. Негативная линия моделирования собственного будущего в этом случае выражалась в тезисе, ёмко сформулированном инвалидом 4-й группы И. М. Уженцевым: «Отказ в возвращении избирательных прав обрекает меня на голую смерть, лишает последних средств к существованию!» [Там же, д. 53, л. 14].

Старики, лишённые права голоса, не имеющие кровных трудоспособных родственников, со всем ужасом осознавали зыбкость своего положения. «Будучи 62-летним стариком, потеряв здоровье и силы, решил приехать в Тобольск и здесь торговлей с лотка стал кое-как существовать, ибо я никакой поддержки со стороны ждать не должен, ни родных, ни сыновей у меня нет. Я предоставлен сам себе. Мое будущее, если государство не призрит, самое безнадежное и кошмарное...» – так анализировал обстоятельства своей жизни С. И. Ченцов [Там же, д. 25, л. 9]. Н. Л. Буторин, 63 лет от роду, проживавший с падчерицами, писал: «Семьи никого нет. Только падчерицы, которые меня кормят, т.к. при таком преклонном возрасте я ничего не могу работать. Зарабатывают на хлеб и платят за квартиру, даже и за коровой моей ходят они, а это люди чужие. Сегодня живешь, а завтра скажут – уходи, выйдут замуж, и я останусь на пустом месте» [Там же, д. 62, л. 5].

В заявлениях этого рода эмоционально-личностные ожидания людей от власти сводились к надеждам на помилование, выражаясь в мольбах о помощи: «Прошу восстановить в избирательных правах хотя бы в виде милости!», «Прошу президиум не считать меня лишённым голоса, а считать как равного, члена советской республики» (П. Е. Егоров); «Мы были и есть подлинный пролетарии, верю, советской власти не чужды» (Ф. В. Белкина); «По существенному положению я Бедняк, прошу президиум не оставить меня» (В. А. Курманбакиев) [Там же, д. 9, л. 5, 7, д. 19, л. 6, д. 69, л. 4].

Выводы. Таким образом, приходится признать, что в подавляющем большинстве случаев взаимодействие граждан с представителями советской власти приводило к приобретению отрицательного социально-психологического опыта. Лишенцы обвиняли местные инстанции в формализме, бюрократизме, искажении смысла нормативно-правовых актов, сведении личных счетов. Из общего числа рассмотренных автором дел только в трех процентах случаев решение избирательных комиссий было в пользу ходатаев.

Изучение конкретных сюжетов этого сегмента репрессивной политики государства на примере судеб жителей Тобольска и округа позволило выделить три типа социально-психологического совладания. Первый стиль поведения, условно определенный как «растерянный человек», ищущий понимания и сочувствия, характеризуется выбором оправдательной тактики, конформным принятием ситуации. Этот стиль совладания практиковали малограмотные или неграмотные категории населения, в прошениях которых преобладали чувственные аргументы, в редких случаях имеющие документально-доказательную основу. Второму типу апеллянтов, представлявших основную массу, свойственны тактика конструктивной настойчивой борьбы, разносторонних действий, большое количество ходатайств в составе личных дел, неоднократное обращение в инстанции всех уровней. С первым психологическим стилем преодоления их объединяет высокий уровень эмоциональности при изложении автобиографической информации. Третий тип отличается проблемно-ориентированным планированием реабилитационной деятельности, ровным поведением, свойственным «тактике баланса». В комплексе доказательств отсутствовали приемы «заигрывания с властью», делался упор на свои профессиональные качества, доминировала логическая аргументация в сочетании с низким показателем психологической напряженности, умеренным использованием эмоциональных видов аргументов.

Опыт преодоления гражданами сложных жизненных периодов в процессе реабилитации заключался в различных формах рефлексии (личностная, ситуативная, социальная, ретроспективная, проспективная), а также в конструировании своего будущего в советских социально-политических реалиях.

Лишение электоральных прав становилось причиной маргинализации, нисходящей социальной мобильности, профессиональной деквалификации, деструктивных изменений в психологическом состоянии данной категории населения. Согласно классификации Э. В. Стоунквиста, это выражалось в следующих эмоциональных реакциях: чувстве беспокойства, тревожности, отчужденности, изолированности, повышенной чувствительности. Кроме того, следствиями приобретения статуса лишенца были колеблющаяся групповая и психосоциальная самоидентификация, признаки морально-духовного кризиса и фрустрации личности (предельное разочарование, отчаяние, моральная усталость, уход от общественно-политической активности, опасное поведение в виде проявления агрессии, острые высказывания в адрес советской власти).

Принятие маргинальной роли лишенца было водораздельным рубежом жизни человека, ментальной личностной трагедией, что по своему негативному влиянию на психологическое благополучие личности было несравнимо даже с такими экстремальными событиями политической истории России начала XX века, как империалистическая война, революция, гражданская война, миграция, безработица и т.п.

Список источников

1. Акопян Н. Р. Маргинальность как одна из основных характеристик трансформирующегося общества // 21-й век. 2005. № 1. С. 150-165.
2. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). Ф. Р-434. Оп. 3.
3. ГА в г. Тобольске. Ф. Р-434. Оп. 5.
4. ГА в г. Тобольске. Ф. Р-462. Оп. 2.
5. Дементий Л. И., Сатонкина Г. А. Маргинальность как социально-психологическая проблема современного общества // Личность в трудных жизненных ситуациях как актуальное научное направление копинг-исследований в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2009. С. 188-193.
6. Добкин А. И. Лишенцы: 1918-1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М. – СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. Вып. 2. С. 600-628.

7. **Жуйкова М. В.** Совладающее поведение как фактор активности личности // Личность в трудных жизненных ситуациях как актуальное научное направление копинг-исследований в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2009. С. 46-50.
8. **Килин А. П.** Автобиография как средство реабилитации (на материалах личных дел «лишенцев») // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 267-288.
9. **Конституция РСФСР 1918 г.** // Декреты Советской власти 1917-1921 гг.: в 18-ти т. М.: Политиздат, 1959. Т. 2. С. 561-562.
10. **Красильников С. А.** Маргиналы в постреволюционном российском обществе в 1920-1930-е гг. // Вестник Российского государственного научного фонда. 2003. № 4 (33). С. 5-14.
11. **Крюкова Т. Л.** Психология совладающего поведения. Кострома: Авантитул, 2004. 343 с.
12. **Мавлютова З. Ш.** Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2009. Вып. 33. № 23 (161). С. 52-57.
13. **Мазур Н. Л.** Лишение избирательных прав крестьян в 1920-е – первой половине 1930-х гг. (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.): сборник статей научной конференции (10-12 ноября 1997 г.). Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 1997. С. 105-119.
14. **Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е гг.):** коллективная монография / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 454 с.
15. **Москаленская Д. Н.** Личные дела священно- и церковнослужителей-«лишенцев» как исторический источник // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2015. № 1. С. 147-156.
16. **Навджавонов И. О.** Проблема маргинальной личности: постановка задачи и определение подходов // Социальная философия в конце XX века. М.: МГУ, 1991. С. 157-158.
17. **Саламатова М. С.** Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг. (на материалах Западной Сибири): дисс. ... к. ист. н. Новосибирск, 2002. 292 с.
18. **Социальный портрет лишенца (на материалах Урала):** сб. док. / сост. Е. В. Байда, В. М. Кириллов и др.; отв. ред. Т. И. Славко. Екатеринбург: УрГУ, 1996. 265 с.
19. **Стоунквист Э. В.** Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8. Вып. 1. С. 9-36.
20. **Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф.** Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е гг. Новые архивные материалы и методы обработки. М.: Изд-во Объединения «Мосгорархив», 1998. 256 с.
21. **Фицпатрик Ш.** Срывайте маски! Идентичность и самозванчество в России XX века / пер. с англ. Л. Ю. Патиной. М.: РОССПЭН, 2011. 375 с.

Disfranchisement as an Element of Marginalization Process in the Society of the 1920-1930s through the Destinies of Tobolsk City and Tobolsk District Residents (Historical and Anthropological Aspect)

Yunina Ekaterina Aleksandrovna

*Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
katy-yunick@yandex.ru*

The paper aims to identify specificity of interaction of power and society in local socio-political practices. The study is based on regional material, the author considers the problem of disfranchisement of Tobolsk city and Tobolsk district residents, describes the campaign to restore their electoral rights. The article analyses rehabilitation measures, emotional responses, forms of reflection regarding a non-voter's status. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that for the first time the influence of state-sanctioned discriminatory measures on non-voters' psychological health is analysed from the viewpoint of historical anthropology and social psychology. The research findings are as follows: the author shows that disfranchisement led to professional disqualification, marginalization, destructive changes in an individual's psychological state and social behaviour.

Key words and phrases: disfranchisement; marginal non-voters; rehabilitation measures; psycho-emotional responses; coping behaviour.